

с ними тематически. То, что это — литературная пародия, было ясно. Но на истинный смысл и политическую направленность этого произведения исследователи долго не обращали внимания. Лишь в советское время «Каиб» впервые был назван «наиболее политически острым сатирическим произведением русской литературы XVIII века».⁵¹

«Каиб» — блестящая насмешка не только над формой «восточной» повести и сказки, остро пародирующая их стиль, приемы, излюбленные образы и мотивы, но главное — над основной идеей философской «восточной» повести — над верой в возможность существования просвещенного, идеального государя.

Все «восточные» повести, включая и крыловскую, признают в качестве исходной мысль о том, что государь не знает истины о положении народа. Но если одни («Прогулка Шаха Аббаса») объясняли это происками вельмож, другие («Золотой прут») — тоже обманом и тем, что государь глуп и непросвещен, то Крылов решает этот вопрос гораздо глубже. Каиб по положению своему не может узнать истину, да ему и нет необходимости ее узнавать. Для того чтобы вывести Каиба из дворца, Крылову понадобились чудеса, причем сам он настраивает читателя на скептическое отношение к ним: «Какой вздор! — скажет любезный мой читатель, но прошу не дивиться: в Каибов век была такая мода на чудеса, как ныне на аглинские шляпки, и тот дом, в котором не случилось в неделю, по крайней мере, два чуда, был так же смешон, как ныне дом, где не играют в карты».⁵² Или: «Очень сожалею, что свет ныне таков, что не верит сказкам».⁵³ Тем самым Крылов говорит: верить в то, что государь каким-то внешним способом вдруг узнает о народе истину — все равно, что верить в сказки. Крылов словно ставит вопрос: действительно ли дело только в незнании государем истинного положения вещей?

Обычно «восточные» повести рассматривали вельмож как обманщиков, скрывающих правду от государя. Эту точку зрения разделяла официальная литература. Сама Екатерина поддерживала ее. Крылов же показывает, что вельможи и государь не противостоят друг другу, а представляют собой нечто единое. Вельможи таковы, какие нужны государю.

Визири Каиба глупы и подлы, но именно таких Каиб и подбирал вполне сознательно. Он обдуманно составлял свой совет — «диван». В повести говорится: «Калиф был расчетист: обыкновенно одного мудреца сажал он между десяти дураков; умных

⁵¹ П. Н. Берков. История русской журналистики XVIII в. Изд. АН СССР, М.—Л., 1952, стр. 474; см. так же: Г. А. Гуковский. Русская литература XVIII века. М., 1939, стр. 473.

⁵² И. А. Крылов, Полное собрание сочинений, т. I, стр. 351.

⁵³ Там же, стр. 353.